

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-2.6>

Ибрагимова Патимат Абдусаламовна

СОСЛОВНО-ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

В статье исследуются сословно-поземельные отношения в Дагестане в середине XIX в. накануне реформ, проведенных правительством, а также классовая структура. Показаны мероприятия царского правительства по изменению сословно-поземельного строя в Дагестане в XIX в. На основе архивных и других источников рассматривается социально-правовое положение разных категорий крестьянства, а также сословно-поземельные отношения в отдельных частях Дагестана. Исследованы повинности, которые отбывали феодалам зависимые крестьяне за пользование землей, а также поземельные права высшего сословия. Изучив документальные источники, автор показывает, что в Дагестане задолго до присоединения к России была широко распространена частная (мульковая) земельная собственность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/2/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(88) С. 26-30. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**RUSSIAN TOCQUEVILLE STUDIES
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Egorova Svetlana L'vovna, Ph. D. in History
Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
SvEgorova-X@mail.ru

Russian Tocqueville studies cover the period from the 1830s till nowadays and are divided into stages; the criterion to identify them is the level of scientific and social interest for Alexis de Tocqueville's heritage. The years of 1860-1917 are considered as the period of decreasing interest for Tocqueville. The paper tries to reconsider this viewpoint. The state of Russian Tocqueville studies in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century – public interest for liberalism problems, re-edition of the famous Frenchman's basic works, representation of his conclusions in fundamental works on Western history, appearance of specialized works devoted to Tocqueville – leads the author to the conclusion on stable interest for Tocqueville himself and his heritage in the mentioned period. Special attention is paid to the works of the young historian of the beginning of the XX century V. A. Butenko, who won reputation of an expert in the history of French liberalism.

Key words and phrases: Alexis de Tocqueville; Russian Tocqueville studies; N. I. Kareev; V. A. Butenko; Tocqueville's political doctrine; liberalism.

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 30.01.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-2.6>

В статье исследуются сословно-поземельные отношения в Дагестане в середине XIX в. накануне реформ, проведенных правительством, а также классовая структура. Показаны мероприятия царского правительства по изменению сословно-поземельного строя в Дагестане в XIX в. На основе архивных и других источников рассматривается социально-правовое положение разных категорий крестьянства, а также сословно-поземельные отношения в отдельных частях Дагестана. Исследованы повинности, которые отбывали феодалы зависимые крестьяне за пользование землей, а также поземельные права высшего сословия. Изучив документальные источники, автор показывает, что в Дагестане задолго до присоединения к России была широко распространена частная (мульковая) земельная собственность.

Ключевые слова и фразы: земельные отношения; частная (мульковая) земельная собственность; зависимые крестьяне; феодальные отношения; земельная реформа; сословно-поземельные отношения; социально-правовые отношения.

Ибрагимова Патимат Абдусаламовна, к.и.н., доцент
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
ratimaibragimova@mail.ru

**СОСЛОВНО-ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Процесс вхождения Дагестана в состав России, проведение крестьянской реформы, организация новой российской администрации имели немаловажное значение для дальнейшего развития народов Дагестана. Один из самых сложных и болезненных вопросов, с которым пришлось столкнуться царской администрации в Дагестане, – это сословно-поземельные отношения.

Среди многочисленных аспектов проблемы земельных отношений особый интерес представляет вопрос о частной собственности как основе, определяющей взаимоотношения различных классов общества. Изменения в социальной структуре дагестанского общества как результат освобождения зависимых сословий в XIX веке привели в определенной степени к переменам в экономике и культуре Дагестана. Наблюдаемые в Дагестане социальные реформы серьезно повлияли как на общественное, так и на экономическое положение, стали своего рода продолжением либеральных преобразований, проводимых в Российской империи.

Мероприятия, осуществляемые правительством в области сословно-поземельных отношений в Дагестане, должны были способствовать переходу от феодализма к капитализму. Для проведения реформ было необходимо тщательно исследовать сословно-поземельные отношения в Дагестане, изучить социальную стратификацию дагестанского общества. Царские власти начали вплотную заниматься этим после окончания Кавказской войны.

На территории Дагестана в XIX веке сложились многочисленные политические образования, различные по своему этническому составу и отличающиеся друг от друга в отношении политического и социально-экономического строя. В Дагестане существовали владения кумыкских князей, шамхальство Тарковское, ханства Мехтулинское, Аварское, Казикумухское, Кюринское, Дербентское, уцмийство Каракайтагское, майсумство Табасаранское (названия «шамхальство», «ханство», «уцмийство» и «майсумство» произошли от титулов правителей этих самостоятельных владений), а также было несколько десятков обществ, часть которых объединилась в союзы – Даргинский, Акушинский, Анкратльский, Ункратльский и др. В связи с разнообразием

природных условий и факторов исторического порядка, народности, которые входили в состав этих политических подразделений, находились на различном уровне общественно-экономического развития. Общественные отношения складывались в тесной связи с системой землепользования. Десятки тысяч крестьян в Дагестане после проведенной реформы продолжали находиться в феодально-зависимых отношениях.

Характеристику классово-структуры дагестанского общества дают авторы П. А. Гаврилов [2], Д. Н. Ануцин [1], А. Иванов [6], П. В. Гидулянов [3], Н. П. Тульчинский [10], которые изучают социально-правовое положение разных категорий крестьянства и сословно-поземельные отношения в Дагестане. Вопрос о земельной собственности в политике российских властей в Дагестане во второй половине XIX – начале XX века занимал особое место, так как охватывал целый комплекс проблем – сословных, экономических, политических и правовых.

Проанализировав разнохарактерные материалы, мы видим, что в Дагестане существовали сложные сословно-поземельные и социально-правовые отношения, которые имели свои особенности. Зависимые крестьяне в своем большинстве проживали на предгорных и равнинных землях. Именно здесь наибольшее развитие получили феодальные отношения. Крупным землевладельцам зависимые крестьяне нужны были для обработки земельных угодий. В горной части Дагестана в частной собственности феодалов в основном были пастбищные земли, которые отдавались в аренду сельским обществам (джамаату), а мульковые земли (частные участки) имели практически многие крестьяне. У царской администрации и членов сословно-поземельных комиссий было разное мнение о правовых основаниях возникновения зависимости крестьян от феодалов. Одни считали, что права на крестьянские подати и повинности доказывались собственностью феодалов на землю, которой пользовались крестьяне, т.е. имели поземельный характер. Другие, изучив земельно-правовые отношения, пришли к выводу, что зависимость крестьян носит чисто административный характер, т.е. крестьянские подати и повинности являются платой за труд феодалу.

В Кумыкии земли превратились в личную собственность, которая отчуждалась, дробилась и сосредоточивалась в немногих руках. На положение крупных землевладельцев выдвинулись представители родовой знати – беки, которые имели кулов (рабов). В одном из архивных документов показано, что кумыкские рабовладельцы сажали своих рабов на землю и превращали в крепостных (чагаров). Чагары обязаны были исполнять издельные повинности и вносить натурой некоторые продукты. Чагар должен был доставлять ежегодно беку 1 арбу дров, 1 меру пшеницы и 1/100 со стада овец [6, с. 63].

Феодальную иерархическую лестницу составляли и беки, в руках которых была сосредоточена большая часть земли. Недвижимое имущество наследовалось по мужской линии, наследниками могли быть дети от равных браков. Ко второй группе относились чанки – дети от неравных браков. Чанки владели земельной собственностью только в том случае, если бек при жизни наделял их. К третьей группе господствующего класса относились уздени первой степени – сала уздени, или уллу-уздени (большие уздени). Наряду с беками и чанками сала-уздени владели землями, рабами и крепостными крестьянами. Архивный материал показывает, что группа сала-узденей выростала из верхушечного слоя свободного крестьянства.

Документальный материал выделяет следующие группы зависимого крестьянства: 1) кулы и каравашы, 2) чагары, 3) терекемейцы, 4) дегерек-уздени и 5) простые уздени.

Кулы находились в полной зависимости от своих владельцев. Владельцы могли кулов продавать, менять, дарить, причем разлучали нередко мужей с женами, детей с родителями. Кулы не имели своей собственности: всё, чем они владели или приобретали, принадлежало хозяевам. Сословие кулов было лишено всяких прав: личных, семейных и по имуществу; обязано было повиноваться своим владельцам и выполнять все домашние и полевые работы.

Группа чагаров, или крепостных, составляла основной слой зависимого крестьянства в равнинной части Дагестана, образовалась частью из посаженных на землю рабов, а частью – из свободных малоземельных и безземельных крестьян, искавших покровительства сильных и влиятельных князей и попадавших в зависимость от крупных землевладельцев. Чагары не могли без позволения князей переходить от одного владельца к другому, а также из одного села в другое; в последнем случае первый владелец брал с чагара 100 руб. или возвращал его обратно. Князья имели право продавать чагар, наказывать их разным способом, в зависимости от вида преступлений. Чагар мог наследовать имущество по мужской линии, но если не оказывалось таковых, то имущество переходило в пользу князя с учетом некоторой доли наследникам по женской линии. Повинности чагаров не были строго регламентированы, и действовал полный произвол феодалов.

Третью группу зависимых составляли терекемейцы – люди лично свободные и зависимые лишь по земле, которую они держали от помещика-бека. В качестве держателей бекской земли они несли за нее барщину и платили оброк, но были свободны от повинностей, вытекавших из состояния личной несвободы. Повинности терекемейцев князья могли передать, продать, подарить навсегда или на время другому лицу. С развитием феодализма большая часть терекемейцев перешли на положение чагаров.

Самой многочисленной группой узденей являлись дегерек-уздени (то есть «круглые», «полные» уздени), которые занимались хлебопашеством (отсюда их простонародное обозначение «сабанчылар» – «пахари»). По мнению Б. В. Скитского, дегерек-уздени являлись потомками второстепенных узденей, попавших в силу различных обстоятельств в ограниченную поземельную зависимость от князей [9, с. 128]. В большинстве своём дегерек-уздени были обязаны выплачивать некоторые незначительные подати со своих земель в пользу покровительствовавшего им феодала, но на его земле они не работали. Они также имели право владеть землей как частной собственностью, получая её в виде дара от своего феодала. По своему социально-экономическому статусу они в целом немногим отличались от второстепенных узденей.

К последней категории зависимых принадлежали простые уздени. В архивных материалах эту группу крестьян называют «свободными поселянами», зависимыми от беков. Свободные поселяне (уздени) жили на бекских землях с правом их наследственного пользования, за что они несли в пользу владельцев установленные обычаем повинности [6, с. 64].

Правовые основания возникновения феодальной зависимости в Дагестане давали возможность для существования обоих видов. В некоторых феодальных владениях практиковалась чисто поземельная зависимость крестьян, в других была зависимость как плата за управление.

Шамхал являлся собственником земли, которой пользовались крестьяне, а также их правителем. У засулакских кумыков зависимость от феодалов сформировалась позже, чем в шамхальстве. Царская администрация раздавала бекам свидетельства о праве частной собственности на земельные угодья. Благодаря такой политике крестьяне оставались без земли и полностью зависели от феодалов.

Статистические данные показывают, что в частной собственности крестьян трех аварских округов – Аварском, Андийском и Гунибском – в 1886 г. было 68501 десятина пахотных, покосных и садовых земель. А всех земель числилось 672980 десятин. В Аварском округе в 1890 г. в частном владении было 21620 десятин земли, или в среднем 2,3 десятины на один дым [11, с. 153].

Несмотря на огромное количество зависимого крестьянства, в подавляющем большинстве узденских аулов было широко распространено мулькадарство как форма крестьянского землевладения, которая охватила пахотные и покосные земли, о чем свидетельствуют архивные материалы. В семи из десяти округов безраздельно господствовала подворно-участковая форма владения и пользования пахотными и покосными участками [5, с. 59].

В «Записке о сословном и поземельном строе в Самурском округе» говорится, что «земли пахотные, покосные, садовые и огородные находились в пользовании отдельных хозяйств и составляли мульки. Они составляли наследственную собственность каждого хозяина, наследовались по шарияту. Могли свободно распоряжаться ими по своему усмотрению и продавать кому хотели, не спрашивая ни у кого на то разрешения» [12, д. 142 «а», л. 71]. Официальные власти, беки не препятствовали ни переселению крестьян, ни продаже мульков.

В Кюринском округе ни в одном из 140 селений не было общинных пахотных земель. Крестьяне 135 аулов заявили, что пахотные и покосные земли «принадлежат каждому хозяину на правах собственности и называются халиса-мульк». Кюринский хан и беки подтвердили это и признали право крестьян на мульки [13, д. 17, л. 24]. В узденских селениях Кайтага, Табасарана крестьяне владели пахотными и покосными землями по подворному принципу [14, д. 370, л. 5]. В Аварском, Андийском, Гунибском, Даргинском, Казикумухском округах пахотные земли и почти все сенокосы также находились в подворно-участковом владении крестьян. В зависимых узденских селениях Темир-Хан-Шуринского округа беки считали крестьянские земли своей собственностью. Пахотные, покосные земли, усадьбы, сады находились в подворном пользовании, а пастбища, леса – в общинном. И на практике крестьяне распоряжались мульками как собственностью, могли продать свои земли, передать их по наследству или же завещать. Купчие акты и различные сделки утверждались официальными властями – это были вполне законные сделки, при совершении которых присутствовали свидетели на случай возможных судебных споров.

Царская Россия отрицала существование частной собственности крестьян на землю в Дагестане, считая, что у населения отсутствовали юридически оформленные документы о поземельной собственности. В реальности горцы рассматривали свои мульки как безраздельную собственность. Крестьяне распоряжались мульками как собственностью – продавали земельные угодья, передавали их по наследству, завещали. Мульки были объектом коммерческих операций, что подтверждают многочисленные документы. Окружные власти, высшие областные инстанции признавали практику купли и продажи мульков.

В горной части Дагестана сословный строй был намного проще, так как подавляющее большинство населения составляли свободные крестьяне уздени. В предгорном и равнинном Дагестане социальная структура была сложнее и феодальные отношения были более развитыми.

В связи с ликвидацией ханств земельно-правовые отношения претерпевают изменения. Выморочными крестьянскими имениями, переходившими к ханам, стали распоряжаться сельские сходы. Хань уже не могли вмешиваться в общинно-мульковые земельные отношения крестьян. Ханской форме земельной собственности большой урон нанесла борьба горцев в 20-50-х гг. XIX в. Несмотря на то, что Аварское ханство было восстановлено, не удалось полностью вернуться к ранее существовавшим земельным отношениям. Бывшие байтулмальские и ханские земли были обращены в собственность царской казны. В казенную собственность перешли все ханские земли в Казикумухском ханстве, в частности 38 пастбищ, дававших ежегодный доход в 1746 баранов. В Аварском и Казикумухском ханствах ханская земельная собственность перестала существовать. В Кюринском, Мехтулинском ханствах, Тарковском шамхальстве, владениях Кайтага и Табасарана правительство сохраняло и юридически закрепило часть земли за феодалами, отстраненными от власти. Но они уже не могли заставлять крестьян работать на себя бесплатно и вынуждены были прибегать к найму рабочей силы на договорных началах. Степень применения наемного труда находилась в прямой зависимости от количества пашни, покосов и садов.

Крестьянская реформа 60-х годов XIX в. освободила крестьян, а также лично зависимых чагаров и кулов от феодальной зависимости. Поземельная зависимость райят и части узденей была сохранена до окончательного решения сословно-поземельного вопроса. От политики укрепления ханской власти правительство сделало крутой поворот к политике ее ликвидации. Дагестан был окончательно покорен, и ханская власть стала чужеродным элементом в общероссийском государстве [7, д. 18, л. 26-27]. Крестьяне открыто выступали

против хана, в массовом порядке отказывались нести подати и отбывать барщину, подавали коллективные жалобы, игнорировали самого хана и его окружение, а также нередко захватывали ханские земли. Юсуф-хан попросил правительство сложить с него обязанности хана и разрешить отправиться в Мекку.

Широкие крестьянские движения прокатились также по селам шамхальства Тарковского и других дагестанских феодальных владений. В 1859 г. было ликвидировано Казикумухское ханство и образован округ под тем же названием во главе с полковником Кругену; в 1863 г. – Аварское ханство; в 1864 г. взамен упраздненного Кюринского ханства создан округ. Правители Кайтага, Северного и Южного Табасарана были отстранены от власти на основании указания наместника царя на Кавказе князя М. Н. Романова. В 1866 году Указом Александра II в 1867 г. были отстранены от власти Шамхал Тарковский и хан Мехтулинский и создан Темир-Хан-Шуринский округ. Даргинский округ приказом военного министра России от 8 мая 1867 г. был разделен на шесть наибств: Цудахарское, Акушинское, Мекегинское, Сюргинское, Кутишинское и Урагинское. Дагестанская область стала состоять из девяти округов (Аварский, Гунибский, Андийский, Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Казикумухский, Самурский и Темир-Хан-Шуринский), в которых существовала однотипная система административного деления и управления. Отстраняя ханов от власти, царское правительство вместе с тем закрепило за ними лучшие земли и установило пожизненные пенсии. Например, Юсуф-хан получил 4 тыс. дес. земли и пожизненную пенсию в размере 5 тыс. руб. в год. Аварскому хану Ибрагиму помимо жалования по чину была определена пенсия в 4 тыс. руб. в год и выдано одновременно 30 тыс. руб. Шамхалу Тарковскому установили пенсию в 7 тыс. руб. в год. Хан Мехтулинский одновременно получил 10 тыс. руб., а размер ежегодной пенсии составил 5 тыс. руб. [Там же, л. 23].

Созданные сословно-поземельные комиссии собрали большой ценный материал по сословным, поземельным и правовым отношениям, но на этом вся работа завершилась. Дискуссии о правах населения Дагестана на частную землю продолжались и накануне, и после реформы 1913 года. После проведенной реформы в первой четверти XX века феодальная зависимость крестьян была отменена [4, с. 427]. В Петербурге в 1912 г. состоялось межведомственное совещание, в котором приняли участие чиновники МВД, министерства финансов и Главного управления землеустройства, которые подвергли сомнению право частной собственности феодалов на землю, считали «недоказанной принадлежность населению Дагестанской области прав поземельной собственности» [8, д. 758, л. 7]. В связи с этим все частные земли были объявлены государственной собственностью. Представлявший интересы Кавказского наместничества сенатор Никольский обратил внимание на то, что «подробное исследование правовых оснований землевладения в указанных местностях Кавказа приводит к убеждению в принадлежности горцам их земель на правах собственности» [Там же, л. 8].

В Дагестане зависимых крестьян было больше на равнине, меньше в предгорье и совсем немного в горной местности. Правительство не могло отрицать существования здесь крестьянской частной земельной собственности, распространенной задолго до присоединения Дагестана к России. Безуспешными были попытки отдельных должностных лиц объявить все земли государственными, ссылаясь на мусульманское право. Наместник царя на Кавказе граф И. И. Воронцов-Дашков также считал, что земли Дагестана принадлежат населению на праве собственности.

Таким образом, в результате проведения земельной реформы и ликвидации ханств в Дагестане значительно увеличился принадлежащий царской казне земельный фонд, как за счет земель бывших ханов, так и за счет захвата крестьянских общинных земель. Изучение земельных отношений и в частности – частной (мульковой) земельной собственности в Дагестане в XIX – начале XX в. важно как для кавказоведения, так и для всей исторической науки нашей страны.

Список источников

1. **Анучин Д. Н.** Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 // Известия Императорского русского географического общества. 1884. Т. XX. Вып. 4. С. 358-450.
2. **Гаврилов П. А.** Устройство поземельного быта у горских племен Терской области Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 1-78.
3. **Гидулянов П. В.** Сословно-поземельный вопрос и райатская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1901. № 2. С. 48-50.
4. **Ибрагимова П. А.** Земельно-правовые отношения в Дагестане во II пол. XIX – начале XX в. // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 7: в 3-х ч. Ч. 2. С. 422-428.
5. **Ибрагимова П. А.** Мульковая собственность в Дагестане в XIX в. // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2010. № 39. С. 54-60.
6. **Иванов А.** Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 62-72.
7. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 866. Оп. 1.
8. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 718. Оп. 1.
9. **Скитский Б. В.** Очерки истории горских народов. Орджоникидзе: Изд-во кн. тип. Упр. по печати при Совете Министров СО АССР, 1972. 378 с.
10. **Тульчинский Н. П.** Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 152-217.
11. **Хашаев Х.-М.** Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 262 с.
12. **Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД).** Ф. 2. Оп. 3.
13. **ЦГА РД.** Ф. 150. Оп. 1.
14. **Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИАГ).** Ф. 231. Оп. 1.

CLASS AND LAND RELATIONS IN DAGESTAN IN THE SECOND HALF OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Ibragimova Patimat Abdusalamovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Dagestan State University, Makhachkala
patimaibragimova@mail.ru

The article examines class and land relations in Dagestan in the middle of the XIX century on the eve of the reforms that were carried out by the government, as well as the class structure. The measures of the tsarist government on changing the estate-land system in Dagestan in the XIX century are shown. Relying on archival and other sources the author describes the social and legal status of different categories of the peasantry and class and land relations in certain parts of Dagestan. The paper analyzes the feudal duties, which were performed by dependent peasants in return for land, and land rights of the upper class. Having analyzed documentary sources the author concludes that private (mulk) landownership was widely practiced in Dagestan long before its attachment to Russia.

Key words and phrases: land relations; private (mulk) landownership; dependent peasants; feudal relations; land reform; class and land relations; social and legal relations.

УДК 930.1(09):329.021.3(571)

Дата поступления рукописи: 15.01.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-2.7>

В статье с целью анализа концепции становления сибирской социал-демократии исследуются ее эволюция, особенности и противоречия в советский период отечественной историографии. В работе доказывается, что в 1920-е – начале 1930-х гг. концепция получает свое теоретическое обоснование, в середине 1930-х – 1950-е гг. осуществляется ее историческая конкретизация, а в 1960-1980-е гг. происходит соединение ее теоретических и конкретно-исторических аспектов. В ходе изложения материала отмечается вклад конкретных исследований в создание данной концепции, выявляется отрицательное воздействие идеологических догм на процесс ее становления и развития.

Ключевые слова и фразы: социал-демократия; ссылка; Сибирь; Союз РСДРП; советская историография; концепция; методология; идеология.

Исачкин Сергей Павлович, д.и.н., доцент
Омский государственный университет путей сообщения
isachkinomsk@rambler.ru

КОНЦЕПЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ СИБИРИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Концепция возникновения социал-демократического движения в Сибири была разработана в советское время, когда по идеологическим причинам активно пропагандировались объективность и закономерность распространения марксизма как во всем мире, так и в отдельных странах и регионах. Данная концепция начала складываться в СССР в 20-е – начале 30-х гг. XX в. В исторической литературе того времени определяющее значение в становлении социал-демократии за Уралом придавалось двум факторам: наличию политической ссылки и образованию местного железнодорожного пролетариата вследствие проведения Транссибирской магистрали. Было принято считать, что взаимодействие этих обстоятельств способствовало соединению марксизма с рабочим движением, что, в свою очередь, привело к необходимости создания Сибирского социал-демократического союза. Вместе с тем на начальном этапе советской историографии концепция существовала лишь в общих чертах. Она не была конкретизирована в научных трудах и воспринималась как теоретическая схема рассматриваемого процесса. Фактологическая составляющая концепции была представлена фрагментарно, причем, как правило, мемуарной литературой [1].

Дальнейшее развитие концепции произошло в середине 30-х – 50-х гг. прошлого столетия, когда ученые начали проявлять интерес непосредственно к истории зарождения сибирских организаций РСДРП. В результате проведенных ими исследований было подтверждено в принципе верное мнение одного из организаторов Сибирского социал-демократического союза Н. Н. Баранского о том, что инициаторами создания данного объединения были томские типографские рабочие, члены кружка В. Е. Воложанинова [2, с. 82]. Это нелегальное объединение, образованное в 1896 г., многие исследователи считали социал-демократической группой с самого начала его функционирования. Однако, как выяснилось, соответствующую политическую принадлежность и организационное оформление кружок приобрел несколько позднее, поэтому Г. У. Бузурбаев относил время возникновения группы к 1898 г. [7, с. 137].

Еще в ранней советской литературе дата основания Сибирского социал-демократического союза была отнесена к 1901 г. На следующем этапе историографии это мнение поддержал ведущий специалист по изучению революционного движения за Уралом М. К. Ветошкин. Между тем им же впоследствии была обнаружена прокламация «К сибирским рабочим и работницам», изданная в 1898 г. за подписью Союза. Видимо, подобными данными располагали и другие ученые, переносившие время его образования на конец 90-х гг. XIX в. Однако, в отличие от них, М. К. Ветошкин предостерегал, что до 1901 г. были лишь попытки создания Союза [8, с. 89].